

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На таёжных тропах

Там, где воды в перекатах
Льются быстро,
А на плёсах разыгралась рыба,
На лесистом острове реки Алдана
У костра сидят пришельцы
С берегов Америки.
Сзади них осталась горная страна,
Впереди открытая долина.
Неизвестная Сибирь
Не скрывает тайн от них.

Здесь места глухие непроезжие.
А в пути нередки встречи
С лосем и медведем,
С диким северным оленем.
По урманам тёмным: пихта, ель.
Вечером готовились к ночлегу,
Ставили сторожки из жердей,
Покрывая хворостом и мхом.
Да опутывали лошадей ремнём,
Чтобы испугавшись ночью,

В лес не убежали.
Проводник казак Ипатий
Много знал окольных троп
Прочь острожек и зимовий,
Чтоб пройти Якутск,
Скрыться с глаз поимщиков бродяг.
Там, в тайге дремучей на Алтае
Скит раскольников их ждёт.
Встретит с радостью торговый люд,
За меха винтовки цельные дадут.

Не страшна таможня лихоимством.
Юная царица уж привыкла к мысли,
Что она в стране чужой,
Что попасть в острог или в тюрьму
Дело случая.
Может быть, ей суждено.
Стать навеки узницей.
На Аляске без бумаг ей верили индейцы.
Смутная судьба закрыла ей лицо,
Кто она в водовороте жизни?

Как крестьянка крепостная,
Убежала от господ,
Не стерпев ударов лоз?
В шерстяных онучах⁸⁸ и лаптях,
Что по камням не стучат,
От беды лихой скрываясь,
Правду пожелала разузнать,
Не в высоких теремах дворянских,
Не в чертогах царских,
А с народом глаз на глаз.

⁸⁸ Онучи – кусок плотной ткани, наворачивавшейся на ноги при ношении лаптей или сапог.

Без свидетелей наедине
Легче сбросить горе с плеч.
Выслушать обиды и нападки
Мужиков простых и баб
В выселках и новосёлках.
Шла Елена берегом вдоль старицы
По песку прохладному и гальке.
Солнце заблестало на реке,
С запада лучи роняя в воду.
На привал пришлось им встать,

Чтобы плот срубить из брёвен.
Вдруг заржали от испуга кони.
В чаще леса оказался зверь
И индейцы бросились к засеке,
Что немного защищала лошадей
От внезапной встречи с волком.
Сквозь зелёную листву деревьев,
Промелькнула чья та тень,
В зарослях застыла на минуту,
Может быть, готовилась к прыжку.

И ацтек Холодная Роса
В тело хищника вонзил стрелу.
Вздыбилась, на ноги задние припав,
Важенка⁸⁹ с ветвистыми рогами,
Пересилив боль от раны,
Устремилась в лес, мелькая пегой шерстью.
Вскоре испустила дух.
Разыскать её не просто в сумерках.
По багульнику бродили целый час,
Прежде чем наткнулись на убитого оленя.

Посмотрев, Ипатий тяжело вздохнул:

⁸⁹ Важенка – самка северного оленя.

“Эка незадача, зверь-то был ручным!
Убежал из становища кочевых якутов!”
Выслушав, индейцы удивились:
“Что же лошади шарахнулись от страха,
Точно им грозила гибель?”
Почесал затылок свой служивый:
“Кони отвергают запах смрадный,
Раз живут у русских,
Поотвыкли от презренных юрт.

А олень пропах настолько дурно,
Что приводит в трепет их”.
Из груди оленя кровь хлестала,
Но на рваной ране не было стрелы,
Может быть, её в кустах сорвало?
Молодой тлинкит Арама
Вдруг метнулся к чаще,
На траве разглядывал следы:
“Здесь прошел недавно человек!
Он стоял над мёртвым зверем!”

Озадачился казак:
“Не к чему иметь свидетелей охоты,
Раз она была невольной.
Дело, стало быть, не чисто,
Если скрылся ороchon⁹⁰.
Не бросать же даром мясо,
Будет нам запас в обоз,
Дабы зла на нас в округе не держали,
Я оставлю трубку и кисет в подарок
С табаком душистым”.

Молча сняли шкуру с туши,

⁹⁰ Эвенки (самоназв. — ороchon, устаревшее выражение — тунгусы), народ в Сибири. Местные самоназвания эвенков: ороchon (от реки Оро или от орон — "олень")

Заготовив впрок убоинки.
Возвратились вновь к дымящему костру.
А охотник мнительный Гырголь,
Что следил за ними долго,
Глаза узкие прищурил,
Сунул трубку и кисет за пазуху,
Бормоча, стрелу убрал в котомку,
Напоследок место примечая,
Скрылся в хвойной гуще.

Розовая Чайка и Душистая Герань,
Две подружки разболтались разговором,
У костра сидели рядом.
Над огнём был вбит наклонно кол,
А на нём висел чугунный котелок.
Рыба красная варилась.
Аппетитный запах от ухи
Призывал заманчиво на ужин.
Розовая Чайка, взяв кувшин,
За водой пошла к протоке.

По тропинке, что спускалась к гриве,
В тростниковых зарослях прошли,
Затаясь, себя не выдав,
Два полесника посыльных зверолова.
Девушка заметила царицу,
Что стояла, обратившись к солнцу,
Погрузившись в замыслы, мечты.
Вдруг качнулись с силой камыши,
Люди выскочили в меховой одежде
Бросили Елене сеть на плечи.

Повалив на землю, снастями связали.
Вскрикнула от страха Розовая Чайка,
Крик её услышав, обернулись к ней
Дичекрады тайные,
Молча стали приближаться,
Убежать не позволяя.

Посадив обеих в лодку,
Растворились за займищем⁹¹,
За разливом полых вод,
Там за островами были их жилища...

А Гривистый Волк и несколько индейцев
Вскоре вышли из Охотска.
Путь неблизкий ожидал
От Урака до Юдомы⁹²
Много было топких мест,
Гати, россыпи камней.
Молодой звенк – прилежный проводник
Не спешил особенно,
Обходил трущобы и завалы,
Распевая песни на свой лад.

Пел о том, что видел его глаз,
Или уши слышали невольно.
Пролетит кедровка, он о ней поёт,

⁹¹ Займище – заболоченные низины, зарастающие тростником.

⁹² Юдома – река на северо-востоке Сибири, правый приток Май (бас. Алдана).

Упадёт вниз шишка, ей найдёт слова.
Зашумит о ветки ветер,
Или рысь ударит лапой,
Прыгнет сверху белка,
Затаится осторожный соболь,
Или дым увидит из-за елей –
Обо всём расскажет песенным напевом.

Вдруг с усмешкой взглянет на индейцев,
Перестанет петь.
Не поймет, откуда эти люди?
Изморщит лоб покатый.
Не тунгусы и не чукчи,
Не коряки, не ламуты⁹³.
Вслушиваясь в говор и в беседу,
Чувствовал уверенность и силу,
Загорелые обветренные лица
Вызывали уважение и страх.

В августе дожди полились частые.
Реки подтопляли берега.
В эту хмурую погоду
Останавливались посушить одежду
Где-нибудь в укрытии у скал
Или у поваленных деревьев,
Веток с елей нарубив.
Переждать ненастье и невзгодье
Возле жаркой кряжистой нодьи⁹⁴,

⁹³ Ламуты – устаревшее название эвенов.

⁹⁴ Нодья – костер в лесу, на ночлегах; ставят пни шатром, или сваливают накрест пару кряжей, или разводят огонь в дупле, или стягивают два кряжа промеж двух кольев, чтобы можно было приподымать верхний, если жар слишком силен.

Что и ночью согревала.

А когда деньки погожие налаживались,
То эвенк ходил с утра пораньше
Бить острогой шуку и тайменя,
Что дремали под корягой,
Наслаждаясь светом солнечных лучей.
Брал с собой индейцев,
Чтобы вместе с ними состязаться
В ловкости и хитрости.
Те ему не уступали,
Копьями пронзали спины рыб.

Чтобы не было обиды
Быстрая Стрела добычу
Низко поклонившись, в дар давал эвенку,
А эвенк делился с ним,
И они довольные смеялись.
От азарта и уменья
Много рыбы наловили кереводом⁹⁵,
На припасы хватит накопить.
Нет, не зря эвенк отправился в дорогу
Проводить людей до Перевоза⁹⁶.

Сам купец с большого корабля,
Бородатый капитан,
Что приплыл из северного моря
Знал по имени его.
Хорошо, что комендант Охотска
Отпустил в тот день на волю.
Чем платить ясак⁹⁷: оленя нет,
Соболя, ружья и денег.

⁹⁵ Керевод – род плавной сети.

⁹⁶ Перевоз – поселок у реки Лены выше по течению перед Якутском.

⁹⁷ Ясак – в 18 веке натуральный налог с народов Сибири и Севера, главным образом пушнинаой.

Нет жены, детей, один совсем.
Аманатская изба⁹⁸ не отпускает в лес.

Лучше летом быть на заработках,
Плохо в лавке под замком.
Как зима настанет: надо белку бить,
Соболя искать,
Сети у норы раскидывать,
И выкуривать зверька дымком.
А где сети взять, идти к тойону⁹⁹?
За долги рабом навечно стать?
Пусть сгрызет Илсихэ росомаха,
Чем испытывать удачу у богатых.

Не обманет капитан Илсихэ,
Слово верное, как кремнем высечено,
Даст ружье в подарок за поход,
За удачный переход в краю таёжном
Через реки и гнилые топи.
Стало быть, вернётся не пешком,
На оленях с нартами.
И эвенк, мечтая, песни пел.
Проходило время незаметно,
Приближая встречу двух отрядов...

Ночь неумолимая повеяла разлукой,
Где теперь несчастная Елена?
Как найти её в беспутье?
Кто поможет в грустный час ацтекам?
Их царица стала жертвой,
Не спасли, не сберегли от бед.

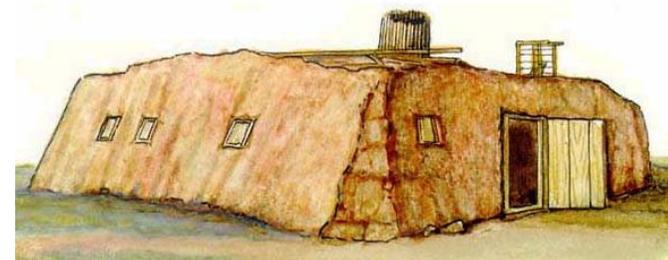
⁹⁸ Аманатская изба – изба для аманатов – заложников из числа местного населения.

⁹⁹ Тойон – титул князька — главы отдельного племени якутов в 17 в. После присоединения Сибири к России тойоны стали опорой российской администрации.

В мареве тумана белого
Чуть прорезался рассвет,
И индейцы, разделившись на две группы,
На прощанье обнимались тихо.

Двое будут делать плот с перилами,
В помощь им Душистая Герань.
А казак Ипатий с остальными
Подводил к воде коней ухоженных,
К седлам привязали сумы переметные,
Чтобы переплыть протоку вплавь
К берегу, где дым струился,
Где пасли стада коров якуты мирные.
Взяли копья да кинжалы,
И насечное ружье с отомкнутым штыком.

Солнце поднималось выше,
Освещая тучи в небе.
Слабые лучи косые
Зажигали шёлковые травы
Серебристым и жемчужным бисером.
За холмом виднелись чумы летние.
Возле них коровы разбрелись.
А пастух на лошади поехал рысью,
Собирая в стадо лошадей,
Отгоняя на зелёные луга.

Балаганы были дальше.
Переплыв бурлящую протоку,
Сев верхом и лошадей пришпорив,
Повернули сразу к пастбищу.
Коневод, увидев незнакомцев,
Протрубил в рожок сигнал тревоги.
Поднимая пальмы острые¹⁰⁰
Несколько якутов встали наготове,
Казака заметив посреди заезжих всадников,
Успокоились и стали ждать.

Верховые к ним подъехали и спешились.
С чума вышел ряженный старик.
Он костюмом с погремушками и лентами
Отличался от других,
Прорицатель, знахарь – врачеватель
Избранный шаман Оборчо.
Знал его казак Ипатий.
Зла, обид селению не стал чинить.
“Мир тебе и всей твоей семье! –
Обратился он к главе кочующего рода, –

Не встречали люди твоего народа
Женщин двух, одна из них была
Русская, другая – с кожей смуглой.
Может статься, слышали о них?”

¹⁰⁰ Пальма – копьё с металлическим наконечником или ножом.

Но старик, ответил отрицательно:
“Нет, якуты с отдалённого улуса
Ничего сказать тебе не могут.
Кроме лошадей, коров, оленей диких
Мимо выгона и травяных покосов,
Не прошли, которых ищешь ты.

Потерял, однако, след любимых женщин.
Русская – твоя жена,
А вторая добрая служанка?”
“Нет, Оборчо, это спутницы мои.
Провожатым был для них с Охотска.
Кто-то выкрал, спрятал неизвестно где”.
Дернулся шаман, взмахнул руками:
“Плохо воровать людей у православных.
Ты же знаешь, дочь моя, став христианкой,
Проживает вместе с мужем на зимовье.

Он казак, как ты, на службе царской.
Человек не тронет пальцем беззащитных.
Женщин, стало быть, задрал медведь,
Или утонули при купании случайно?
Их живых, скорее, нет на этом свете?
Шибко жаль, спрошу у духов”.
И шаман ударил в бубен колотушкой.
А из чума вынесли божественного лебедя,
Что священной птицей был в поверье,
Запрещённой по обрядам в пищу.

С гулом бубна, в такт подплясывая,
Закружился, как неистовый,
Доводя себя до исступления.
Изгоняя злую силу,
Что была темнее ночи,
Да его вороньих глаз.
Он искал поддержки светлых
Благодетельных существ.
Яростно камлая, проносился с криком,

Мимо шалашей, покрытых берестой.

Под удары колотушки пел созвучно
“Круглый бубен превращаю,
Делаю конём могучим!
Быстрой лошастью заклятьем освящаю!
Бубен мой – шаманский панцирь,
Оживи лесные ржанцы”.

Ручка колотушки с головой медведя,
Камус¹⁰¹ с кольцами беду изведывали.
В жильных нитях проносился ветер,
Отшумев таинственным советом.

Стенки урасы¹⁰² тряслись и содрогались

¹⁰¹ Камус – куски шкуры с ног оленя, зайца, песца и пр. Используются для подбивки лыж, колотушки бубна, изготовления и украшения меховой обуви, рукавиц и одежды у многих народов Севера и Сибири.

От людей, что выбегали посмотреть
На шамана, танец ритуальный.
Женщины и дети стали собираться,
Встали рядом,
На чужих поглядывали.
Наконец Оборчо притомился.
Губы запеклись слюной горячей,
А из горла вырывался хрип,
Обратив свой взор к Ипатию,

Вдруг сказал, покашливая:
“Не встречали духи незамужних девок
Среди мёртвых в нижнем царстве.
Может, взяли их в полон,
Как рабынь прислуживать тойону
Или выкрали, чтоб получить за них награду?
Дам тебе я выкреста Баджея.
Он следы в траве и на земле читает,
Точно книгу перелистывает.
Он пойдёт вперёд, как хитрая лиса ищейка,

Что несётся бойко за мышами.
Ты иди за ним,
Только ни о чём не спрашивай,
Положись на ловкость и хватку.
Коль вернёшься из тайги с удачей,
Можешь взять в придачу дочку младшую
В ласковые жены.
Посмотри, она прекрасна,
Как луна – медвежье солнышко!”
И Оборчо вывел из толпы

Девушку одетую в кафтан нарядный,

¹⁰² Ураса – легкий тип жилища у якутов — конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берестой.

С оторочкой с яркими нашивками.
 Хоть чернява, узкоглаза,
 Впрямь была красавицей,
 Что Ипатий засмотрелся на неё невольно.
 А шаман, перехватил его горячий взгляд,
 Прошептал на ухо дочке.
 Та метнулась за полог шатра,
 Вынесла мех кожаный с кумысом,
 Стала угощать гостей напитком.

Женщины другие
 Уж несли им лакомые блюда из конины
 Черемшой заправленные...

Там, где тропы подходили к берегу реки,
 Кони спотыкались, цокая копытами о камни.
 Казаки их за узду держали,
 Отводили от обрыва,
 Чтобы в пропасть не свалились.
 В тайных вьюках
 К седлам вожжами привязанным,

Задыхались в духоте удушливой
 Пленницы: царица, Розовая Чайка.
 Только к вечеру, когда густые сумерки
 Затемняли ельник и кочкарник,
 Их снимали с лошадей,
 Из чехлов вытаскивали,
 Накормив походною похлёбкой,
 И связав им руки, ноги
 Позволяли спать и отдыхать
 На постели мягкой.

Тюфяки, для них набив травой сухой.
 После тряски в неудобной позе
 Затекали жилы без движений
 И слабело тело.
 Казаки поступок свой не объясняли
 Для кого похитили украдкой,
 Нарядившись для потехи в парки.
 На широкой лодке-умиак¹⁰³
 Перебрались к основной засаде,
 Что ждала их под прикрытьем мрака.

Может быть, они разбойники
 Едут к атаману дружной кавалькадой,
 Чтоб продать их подороже в рабство?

¹⁰³ Умиак – грузовая и промысловая лодка у эскимосов.

Мысль об этом показалась гадкой.
Хоть до времени они не причиняли зла,
Ожидать безвестности судьбы ужасно!
Розовая Чайка стала ей подругой по несчастью,
Что царица, пересилив неприязнь,
Поделилась чувствами тревожными.
От тоски пропал спокойный сон.

С криком птиц, зверей ночами просыпаясь,
Часто вздрагивала.
Розовая Чайка к ней поближе подвигалась,
Успокаивала и шептала:
“Надо выждать время.
Раз везут куда-то нас,
Значит для какой-то цели
Сохраняют жизнь сейчас,
Словно в дар для жрицы
В царстве белолицых идиолов.

Нам терять нельзя от горя веру.
Может быть, удастся совершить побег.
Только что мы будем делать в глухомани
Без жилья и без еды?
Мы умрем быстрее,
Нежели от неизвестности,
Что грозит нам впереди.
Лучше нам держаться вместе,
Позабыв про прежние обиды.
Ты моя названная сестра.

Я тебя спасу от глаз завистливых.
Лишь доверься мне.
Много зла тебе принес отец.
Знаю, он казнил твоих родных.
Ты меня за это ненавидишь.
Ты прости за прошлое, в котором не жила.
Пусть же месть твоя утихнет,
Как прибойный ветер

На расщелинах надводных скал,
Что на здешних речках громоздятся.

Надо умерять порыв к свободе дерзкой,
И хитрить с врагами до конца,
Разгадать их замысел”.
Кроткая Елена, с грустью к ней прижавшись,
Соглашалась с ней.
Действия дальнейшие зависели от случая,
Их спасти поможет чудо.
Жаль, что каждый новый день
В зареве лучей за лесом догорал.
Блекли в облаках надежды.

Лишь одним туманным утром
Страж казацкого отряда,
Приказал верхом им сесть на лошадь,
Пристегнув её к себе за повод,
Чтобы шла за ним покорно сзади.
И кормить их стали лучше.
Позволяли умываться на привалах,
В час, когда коней вели на водопой.
Отчего же ярые охотники за зипунами,
Подобрили вдруг?

Разве может быть загадка без разгадки?
Караульный, оглянувшись на Елену,
Поневоле улыбнулся.
Ехала она за ним на лошади лохматой,
Розовая Чайка вместе с ней.
Но держались женщины в седле
Точно амазонки храбрые,
Слов пощады, слёз не вытянешь из них.
Вскоре кончится походная прогулка,
На ясачное зимовье приведёт их путь...

Так прошла неделя или больше.
Лица пленниц посвежели

И они набрались сил.
Им не разрешали спрыгнуть с лошади.
Щиколотки ног привязаны за стремя.
Свежий ветер дул им в спину.
Вновь тропа в лесу пошла на косогор.
Казаки повеселели,
На исходе был тяжелый переход,
Оставалась одна ночь.

К вечеру добрались до вершины.
Экая беда! От ветра и грозы,
Что промчались здесь, бушуя смерчем,
Вырвало деревья вековые.
Завалило для коней тропу.
Уж смеркалось, склон крутой повсюду
Не давал возможности остаться на ночлег.
Лошадей поставили на привязи.
Стали казаки рубить поверженные ели,
Чтобы перебраться через яр.

А Елена молча наблюдала,
Как стучат усердно топоры.
Вдруг в груди её забилося сердце сильно.
Из-под пояса достала нож булатный,
И, нагнувшись, срезала застежки,
Что удерживали ноги,
А затем подруге нож передала.
Розовая Чайка поступила также.
Прошептала ей царица:
“Слезь с коня и крадучись

Обойди всех лошадей неслышно,
Незаметно срежь подпругу седел”.
Храбрая тлинкитка, соскользнув змеёй,
В темноте густеющей листвы
Все ремни надрезала.
Казаки, работой увлечённые,
Не слышали, как отводили вниз

Женщины коня за повод,
Дабы не стучал об камни кованой подковой.
Сев верхом, они помчались прочь.

Только через час услышали,
Грохнул в тишине неожиданный выстрел.
Спрятала от глаз чернее сажи ночь.
До утра не будет вслед погони.
На неделю хватит пищи,
Что лежит в мешке.
Бросив лошадь, зашагали по трущобам.
Лес дремучий принял их и скрыл следы...
К крепостцу, что прятался за тыном
Проскакал гонец на скакуне,

Спешился и постучал в ворота.
С башни глянули, посыльного впустили.
Из избы на красное крыльцо
Вышел Киприан, казак служивый,
Что уже неделю,
Был в гостях у брата Филимона,
Ждал приятных новостей.
Верховой к избе подъехал:
“Вскоре будут здесь, дорогу не минуют!
Как прикажешь, встретить в ружья?”

“Проследите лучше!
Чтоб захлопнулась ловушка.
Отворите мне ворота широко,
Я навстречу к ним поеду”, –
Киприан расхохотался,
Он вскочил на пепельного рысака,
Что ему подвел учтивый братец...
По лесной тропе к зимовью подъезжали
Семь усталых всадников
Во главе с Гривистым Волком.

Первым был Илсихэ проводник.

“Бойко скачем на острог казачий.
Мы его не сможем обойти,
На пути расставлены охотничьи заставы.
Лесом меж деревьев
Трудно с лошадьёю пройти.
Что решил хозяин?
Будем дальше ехать на коне
По тропе приметной
Или красться берегом реки?”

“Хорошо, спускайтесь вниз,
Где покатым водопад-падун
Льётся, оглушая шумом,
А за ним поток, уменьшив бег,
Светлой заводью искрится.
Там устроим небольшой привал,
Отдохнём, коней напоим”.
Хитрые индейцы прыгнули на землю,
По осоке резучей пошли,
Что скрывала их и лошадей.

Только ветер мог тревожить травы,
Пробежать по ним,
Поиграть в лугах зелёным малахитом
В ярких солнечных лучах,
Стебли сочные склонить пониже.
Буераком¹⁰⁴ к берегу спустились
Под нависший косогор,
Что их скрыл от глаз надёжно.
Здесь в утёсах известковых
Много было вымытых пустот,

Где свободно разместились люди,
Даже лошади вошли, как в барские конюшни.
Развели в пещере камелек¹⁰⁵ пожарче,

Чтоб напиться ароматным чаем
Из корней трав лесных,
И уснули крепким сном под шум дождя,
Что накрапывал с утра,
Но никак не мог из туч пролиться...
А над сводами пещеры в пламени костра
Проносились большерогие олени...

Их движения художник каменного века
Рисовал на потолке
Светло желтой и бордовой охрой.
Были времена исчезнувших эпох
С мягкой ласковой природой.
Мамонты бродили, и другим был человек.
Он упорно пробивался на Восток,
К той земле, где Азия соединялась
С неизведанной ещё Америкой,
Чтоб остаться там,

Изменяя кожу тела под лучами солнца
В красный цвет,
Создавая новые цивилизации
Инков, майя и ацтеков.
А когда прошли тысячелетия,
Первые индейцы вновь пришли сюда,
Где их предок пальцем выводил на стенах
Птиц, зверей, которых видел здесь,
Грелся у огня...
Как их встретит мир, что изменился сильно?

Здесь живут теперь иные племена,
А они забыли про былую Родину,
Им всё чуждо здесь, далёкая Аляска,
Стала им родней и ближе Мексики.
Необъятный север манит красотой
И обильем дичи в необжитых дебрях...

¹⁰⁴ Буерак – неглубоко врезанный овраг.

¹⁰⁵ Камелек – небольшой камин или очаг для обогрева.

Шёл Баджей, следы затоптанные различая.

Это заяц делал скидку, прыгал вбок,
Там лиса загрызла белку,
Что застряла лапкой между сломанных ветвей.

Вот следы сапог, орешки козьего помета,
Срез от лодки на песке,
Там горел костёр, зола дождем размыта.
А в траве лежал кусочек ткани,
Лента с девичьих волос.
И Ипатий вскрикнул:
“Этот бантик, что носила Розовая Чайка!
Значит верно, нас ведёшь!”
Здесь грабители уселись на коней,
Их коротким шагом не догонишь.

Потеряли день, чтоб тронуться верхом.
Нежели надежды стало больше,
Повела тропа поречная.
“Как могли проведать об отряде казаки,
Женщин отвезут, бесспорно, на зимовье.
Может быть, чтоб передать в Охотск!
Да, неужто под конвоем!

Нет, не вяжется со смыслом.
Неразумно, бестолково.
До столицы были подорожные¹⁰⁶,

Сиречь не было сомнений,
Что Елена – дочь купца уральского.
Раз случилось непонятное,
То зачинщики всё изъяснят при встрече,
Надо только их догнать”.
И Ипатий торопил коней,
Мчался вслед галопом и в карьер,
Если позволяла местность...
Киприан вернулся в маленький острожек,
А посты на караулах зорко стерегли.

“Не пропустят мимо западни
Чужаков безродных.
Только что-то долго нет вестей
Об отряде проходимцев.
Обложной застал их дождь,
Спрятались и ожидают лучшую погоду?
Сколько б муха не жужжала в кулаке,
Нет надежды вырваться на волю.
Так и эти мерзкие людишки
Попадут в расставленный капкан”.

Киприан хлебнул медовой браги,
Посмотрел в окно и сел на лавку.
Не терпелось в эти дни недаром.
Дюже был заманчив план,
Будет повод выйти в море,
Изначала будут споры,
Уговоры и угрозы,
Коли надо даже пытки,
Отговорки хуже кривды.

¹⁰⁶ Подорожная – проездное свидетельство.

Разбитной головушке горе непочем.

Сколько раз бывал в бегах,
Да прощались прежние грехи.
Разорённые купчишки били челобитной
В Петербург Екатерине.
А когда надоедало
Жить в ватаге шатунов лесных,
Возвращался к службе ратной.
Благо братец выручал,
Управлял хозяйством,
Знал дорожки пред начальством.

Захотелось побуяннить с ножевой артелью,
Потрясти товары на судах,
Атаманом с тростью и булавой
Совершать набеги.
Под большим секретом
Он узнал о тайне,
Что ему поведал верный человек,
Может быть, сболтнул отчасти.
Ради дела важного не пропустить гостей,
Дабы не пропало даром время.

И от тяжких дум заснул казак,
Давеча свалила хмель в кудрях...
Но за плечи кто-то дурно тряс,
Будто вытряхнуть задумал изнутри.
Голова беспутная кружилась кругом.
Он открыл соловые глаза,
Ничего не понимая,
Наказать хотел обидчика,
К бороде окладистой покрепче приложиться.
Лишь услышав голос брата,

Передернулся и кваса попросил.
“Кипря, слышишь или нет?
Что тебе толкую,

Там пришли Ефрем с Наумом,
Побеседовать с тобой,
Пропустить в избу?”
“Что хотят два бестия?
Прогони их в шею!”
“Краснобают с висока,
Что на лодке посидели с удочкой.

Кабы в дождик сеть закинуть у камней,
Стало быть, поймают рыбы?
Сига, окуня, налима.
Нам дадут в обмен на дробь и порох”.
“Мне-то что, пушай половят.
Ты в тайге живёшь по-барски,
Пусть твоя башка болит.
От меня отстань, пожалуй,
Я не твой холоп”

“Кипря, а в туман сейчас
Рыба сонная, как неживая,
В невод заплывет сама.
Только, знаешь,
Казак гуторят в тех местах:
Дым в пещере видели”.
“Филька, ты и впрямь чудак!
Чокнулся совсем на этой рыбе!
Главного не мог сказать сперва!
Кличь скорее удильщиков!”

От дождя и серых туч,
Что нависли низко над лесами,
По реке клубился космами туман.
Он скрывал утёсы,
Что грядой тянулись к водоспуску.
Здесь две речки вместе клокотали,
Чтоб в поток один соединиться
И умерить дикий нрав.
Киприан направил лодку,

Против вод грести нескоро.

Вчетвером на вёсла налегли.
Хмурая погода не страшна
Бывшим жителям поморья.
Берега реки обрывисты,
Наверху бушует ветер,
Гнёт берёзы непокорные,
Что растут у края,
Корни держатся за камни,
Не сдаются белые красавицы,
Шелестят душистою листвою.

Вот и грот, водою талой вымытый.
В нём зимой скрывался от бурана,
От поимки беглых по указу.
В глубине пещер мороз не страшен,
Сбились с ног поимщики бродяг,
По снегам плутая,
Позабыли о наградах.
Киприан сказал товарищам,
“Оставайтесь в лодке,
Чтоб случайно вниз не смыло”.

Не хотел свидетелей излишних.
Что здесь люди приютились,
Было ясно, запах дыма выдавал,
Кто там прятался, несложно догадаться.
Киприан прошёл неслышно,
Но от уха чуткого индейцев
Шороха малейшего не скроешь.
Быстрая Стрела заметил тень,
Что возникла перед входом,
И движением руки предупредил,

Дабы были наготове.
Неизвестный был один и безоружный,
К ним направился, как будто знал,

Что его здесь ждут подручные.
Искры жаркого костра
Осветили лица.
Среди них один, похоже, русский,
Да эвенк Илсихэ проводник,
Раз они вертеп¹⁰⁷ нашли,
Остальные были дикари.

“Ну, дружки мои,
Толоконные, по-свойски, здравствуйте!
Хлеб да соль на счастье!
Рады лицезреть,
Или я не мил вам за вторжение?”
Киприан был сильным, крепким,
В нём была косая сажень рослых плеч.
Все привстали, взглядом выразив приветствие,
А Гривистый Волк отведать пригласил
Скудную, но братскую по доле трапезу,
Словно были, как на паперти¹⁰⁸

Перед входом в храм.
Да грехи мешали совести,
Не давали им питаться до обжорства.
Гость присел на корточки,
Он достал с кармана табакерку,
Сыпанул махорки в трубку берестовую,
Подкатил горячий уголёк,
Чтоб дымком порадоваться.
Наконец молчание прервал:
“Сказывайте, люди добрые,

Кто такие и куда
Ловчий путь наметили?”

¹⁰⁷ Вертеп – пещера; потаенное место.

¹⁰⁸ Паперть – галерея или крыльцо перед входом в русскую церковь.

А в ответ немая тишина
Не расскажет мысли откровенные.
Замерли индейцы, слов не понимая,
Ждали, что откликнется Гривистый Волк,
Он был старшим в их отряде.
“Кто ты сам, чтоб пред тобою каяться?
За поступки исповедаться!
Мы идём своей дорогой,

Никого не принуждая.
Каждый выбрал для себя свой путь,
Как Авундий¹⁰⁹ христианский мученик
Пострадать желаем ради веры”.
“Что же вы, отшельники монахи,
Не постриглись, не надели рясы?
Как затворники скрываетесь в каменьях?
Ради божьей цели по пещерным кельям?
Может быть, вам вместо дьяконов
Стать капралами на службе русской армии?”

Киприан погладил ус,
Что слегка топорщился,
Щекотал его за щеку,
А из глаз блеснули озорные слёзы,
Это смех сгустился тучей
Из-под вскинутых бровей:
“Полно врать, мне всё про вас известно!
Зря ударились в бега,
Ваш Емелька Пугачев
Узник в арестантской камере

Под замком в тюрьме Казанской¹¹⁰!

¹⁰⁹ Авундий Римский (ум. 258), христианский мученик, пострадавший в гонение императора Валериана. Память в Православной церкви 13 (26) августа.

¹¹⁰ В мае 1773 Пугачев бежал из казанской тюрьмы на реку Яик, где среди проживавших там казаков объявил себя императором

А оттуда не сбежишь!
Хлопоты пощады лишние.
Был у нас мужицкий царь
Стенька Разин,
Под Симбирском был разбит,
Выдан казаками.
Против силы не попрешь.
Воля только в поле,
Коли руки чешутся от злобы,

Грабь обозы и господ,
Города не трогай.
Прописную истину не стану говорить,
Не затем пришел сюда,
Чтоб скандалить с вами.
Я казак служивый Киприан,
Атаман для придорожных жителей.
Дело есть на выдумку мудрёное,
Обсудить его желаю,
Не спеша, да по-домашнему.

Приглашаю посетить острожек.
Ваш тунгус дорогу знает.
Сгоряча не вздумайте бежать!
Казаки вас быстро словят,
И отправят напрямиком в Охотск
Как преступников на каторгу
За участие в восстании.
А пока прощаюсь с миром.
Строго не судите,
Что невежлив был в гостях.

Провожать меня не надо,
В лодке ждут дружки крамольные”.
Ясно, что в словах скрывается подвох.

Петром Федоровичем, спасшимся чудесным образом от убийц, подосланных неверной женой.

Но откуда знает он подробности,
Что за умысел таится за лукавством?
И пришлось им подчиниться воле злой,
Вновь по скалам вверх подняться
Да предстать верхом пред частоколом,
В землю врытых заостренных брёвен.
Их впустили за забор.

Затворили на засов.
Выйти без приказа невозможно.
Караул стоял на страже крепости.
На зимовье было восемь изб
Для людей служивых,
И амбар для сохранения пушнины.
Лошадей поставив под навес
Рядом с хлевом и пристройками,
Странники задворками шагнули на крыльцо,
По ступеням вышли на рундук¹¹¹ и сени верхние.

О рогожи ноги вытерли
И открыли дверь.
Образа в глаза им засияли чудотворные,
Обещая божью милость и защиту
В день воскресный.
С поясным поклоном, осенив себя крестом,
Христианин с нареченным именем,
Прозвищем, Гривистый Волк,
Вместе с остальными
Краснолицыми язычниками

Встали на пороге горницы,
Не решаясь в светелку зайти.
За высокой печью русской
С окон лился на застенок свет,
Выглядел нарядным верхний угол.

¹¹¹ Рундук – нижняя площадка сенного крыльца.

Там стояли образа ещё красивой,
Чем в холодных сенях.
Каждая икона прикрывалась пеленой,
Приукрашенная жемчугом и блестками,
И задёргивалась красочным убрсом¹¹².

С лавок, наглухо прикрепленных к стене,
Свешивались вниз полавочки шёлковые
С отороченной материей гранатового цвета.
С подоконников спадали наоконники,
Их длина была аршина три,
Шириною с два аршина,
Вздёржка на полотнищах отлива красного,
Вышитая золотом.
Стол стоял покрытый скатертью
С ярким бархатом с золотошвейными каймами.

На скамье сидел ватажный атаман
В праздничной сорочке и в штанах парчовых.
Он беседу вёл по-братски с Филимоном.
Им хотелось поскорей
Жнитву ржи закончить на неделе.
Дабы горстью сжатою соломой
Напоследок обтереть серпы,
Положить к иконам,
Помолиться всей семьей.
А ко дню Натальи сжать овёс.

Сноп овса последний с песнями
С поля принести.
Приготовить сладкий дежень
С толокном на кислом молоке.
Посадить жнецов за стол,

¹¹² Убрс – покрывало; также платок, полотенце.

Угостить за окончанье жатвы,
Чтоб они хозяйке были рады...
Ныне первый Спас прошёл
Разговением медовым.
Полдень был, и время близилось к обеду,

Как в избу ввалились ветряные гости,
Оборвали страдный разговор
Об уборке хлеба и о сенокосе.
Было семеро залетных молодцев,
Им уют семейной жизни не привычен.
Киприан с окошка крикнул казакам,
Чтобы истопили баню жарче,
Усадил за стол попить, покурить,
Повелось так из спокон веков
По старинному обычаю

Прежде накормить с дороги,
А затем уж расспросить.
Принесли в кастрюлях с крышками
Чёрную уху, приправленную пряностями.
Девушки служанки
Разливали в миски жидкое,
Ставили гранёные тарелки.
А хозяйка в лазоревом летнике¹¹³,
Что надет был сверх рубахи красной,
С косами тяжёлыми ей доходил до пят,

Рукава его широкие и длинные,
Жемчугом унизанные,
А подол обшит серебряными нитями,
Принесла им ложки, вилки позолоченные,
На зверках солонку с перечницей,
С разноцветной расписной финифтью.

¹¹³ Летник – в 16-17 вв. русское женское парадное платье с длинными (часто до пола) широкими рукавами (иногда разрезными). Подол украшался тесьмой, бахромой и пр.

Дворня в вёдрах ставила на стол напитки,

И столовые сосуды: братины¹¹⁴ и братинки,
Кружки, достаканы, чарки¹¹⁵ и ковши,
Кроме прочего и чашки деревянные.

В горницу вносили блюда
Разных величин, фигур,
Их держали за приделанные кольца слуги:
Зайцы духовые, куры на рожнах,
Жареные утки,

¹¹⁴ Братина – русский шаровидный сосуд 16-17 вв. для питья на братчинных пирах («на всю братию») из дерева, меди, серебра, золота.

¹¹⁵ Чарка – небольшой сосуд для питья вина.

Гуси, начинённые дымящей кашей,
Чуть подправленной говяжьим салом,
Мясо яловой коровы,
Потроха лебязьи,
Репу, лук, чеснок.

Пироги подовые и пряженые
С яйцами на молоке и с творогом,
Караваи битые, да сырники, оладьи,
Хворост, кисели.
Осетрина, щука, окуни,
И икра зернистая.
Лакомства, десерты из смородины,
Из плодов малины и черники...
Разве всё запомнишь, что там было.
Стол ломился от еды.

Что глаза индейцев разгорелись.
Вилки не нужны двузубые,
Ложки тоже в сторону.
Только руки да открытый рот
Им потребовались.
Зашумела горница от застолья честного,
Раздувались щёки, растекался жир,
И вином боярским наполнялись кубки.
Киприан да Филимон моргнув усом,
Затянули песню грустную старинную:

*“За рекой, за быстрою,
Ой, колюдка, ой колюдка!
Там леса стоят дремучие,
В тех лесах огни горят,
А вокруг огней скамьи стоят.
На скамьях сидят
Добры молодцы да красны девицы,
Запевают песни колюдушки.
Ой, колюдка, ой колюдка!
Посреди них старый дед сидит,*

*Точит нож булатный.
А в котле вода кипит,
И козёл стоит с поникшими рогами.
Ждёт, когда его зарежут.
Ой, колюдка, ой колюдка!
Братец, мой Иванушка,
Выйди, выпрыгни!
Рад бы выпрыгнуть,
Но горячий камень
Вниз за шею тянет”.*

Киприан взял в руки балалайку
И прошёл по струнам пальцами,
Сразу грусть слетела с лиц.
Музыка весёлая всех приглашала к плясу.
Бряцая, потряхивая правой кистью,
Он играл щипком, перебирал
Радостные звуки,
Прижимал на грифе струны,
Щёлкал дробью в такт
Пальцами по кузову.

И под песни скоморошья
По избе плясали барыню,
Что тряслась посуда на столе.
Диво было для индейцев
Видеть, как от огненной воды
Разум их мутился,
Точно пляшут с ними колдуны,
Стены падают на пол,
Исчезают лица,
Слышится лишь громкий храп порой

В тишине под песенку сверчка,
Что сидит за печкой...
В старину ложились спать.
Отобедав, гости отдыхали,

Не поспать до вечера почиталось ересью.
А когда скатилось солнце за лесок,
С веником пахучим встретила их баня.
Ох, хлестал их Киприан нещадно,
Поливал водой из кадки,
Что лоснилась кожа и горела вся огнём.

А в предбаннике лежали наготове
Свежее исподнее бельё
И кафтан для каждого.
Приодевшись, вышли молодцы.
Не какие-то заплатники,
На подбор высокие и статные,
Что невольно девки глянули с улыбкой.
Киприан велел семь ружей принести.
Он оружие давал им в дар,
А Илсихэ к бухгалтеру ещё коня,

Чтобы тот довольным был.
Казаки ворота открыли,
Отпустив эвенка восвояси.
И Илсихэ радостный счастливый,
Что сбылась его мечта,
Поскакал обратно.
Киприан, погладив бороду,
Вдруг сказал: “Пора признаться вам,
Вместо ороचना буду я вам проводник,
Не в тайге, по морю!

Знаю я, что привело сюда
Краснокожих инородцев.
Приобщился к вашей тайне.
Не один у них ты поводырь,
Есть ещё одна заморская царица.
Скрытно думали пройти в лесах,
Чтоб никто не знал: Сенат, Екатерина.
Лишь одно вы не учли:
Зависть, алчность и предательство.

От людишек злобных,

Как от гончих псов не скроёшься,
Лаем беспокоить будут по дороге.
Дабы попусту не говорить,
Я открою карты на червях,
Укажу вам козыри.
Дело вбилося в голову,
Держится в затылке,
Что его щипцами крепкими не вытащишь.
Коли мы придем к согласию,
Этот торг возможен,

Ради драгоценностей и золота,
Что по глупости забыты,
Вся компания вернётся на Аляску.
Местным жителям предъявим ультиматум,
Все богатства острова погрузим на корабль,
Каждый поймет свою долю,
Дикари не в счёт,
Проживут и без сокровищ,
Промышляя для купцов пушнину
И меня на товар...”

Тут, не выдержав, прервал Гривистый Волк
Вкладчика назойливого:
“Приношения на церковь
Я готов внести по-божески
Из своих запасов скромных,
И скрепить печатью,
Только поучаствовать в разбойной складчине
Не желаю, не заставишь.
Отпусти по доброй воле”.
“Отпущу, куда направишься?”

Поспешишь к друзьям на встречу?”
“Коли знаешь, спрашивать зачем!”
“Отчего же не спросить,

Я жду в гости тех, к которым ты стремишься.
Будет здесь на днях царица.
Так зачем зря мылить лошадей?
Пусть стоят в конюшне, набираясь бодрости,
Отъедаясь на подножном корме.
Благо много разных трав в лугах.
Мы же будем пировать”.

“Ты хитришь, не верю я тебе.
Не предаст царица свой народ.
Можешь нас схватить, да не достигнешь цели.
Даже, если силой переправишь морем,
Не сыскать тебе богатств,
Ни один индеец не признается.
Будут на смерть биться до последнего.
Пусть случайно ты откроешь клад,
Но и здесь твои товарищи
При дележке разгрызутся, словно волки.

Что тебе достанется?
Или шторм проглотит всех волной.
Кто сейчас отважится
Оправляться в плаванье
На начало осени?!
Как моряк тебя предупреждаю:
Рифы разбивали в щепки
Корабли беспомощные”.
“Риск, вестимо, есть,
Не к чему утаивать опасность,

Я хочу поговорить с царицей,
Может быть за это время
Изменились её мысли,
И родней, чем прежде, стала русская земля,
Что она забыла про индейцев,
Не захочет вспоминать о прошлом...”
Впереди бежала остроухая собака
С чёрной мочкой носа,

С умным взглядом
Небольших овальных глаз.

Приподнятый хвост пушистый
Изгибался, точно серп,
От движений лёгких быстрых.
То была любимица Баджея,
Что ему служила верно,
Прозвище ей было Серко.
И якут покрикивал ей вслед:
“Нох, нох, нох!” –
Чтобы рысью шла вперёд.
Наконец настигли беглецов,

На поляне среди пышных сосен
Встретился им табор.
Не один, наверно, день
Лошади понежились на мягкой травке.
А лесные сторожа и чаю рады.
После бегства пленниц
Казакі остановились здесь,
Всё искали тщетно.
Их следы трава вплела по стеблям шёлковым.

Дождь смыл, разгладил

На земле морщинки.
Тишина им тайн не открывала.
Возвратиться на зимовье без невольниц,
Не решались мужички,
Зная грубый нрав хозяйский.
А когда к костру подъехали вдруг гонщики,
Что скрываться да оправдываться,
Не стрелять же им в Ипатия!
Добровольно сдались без погонной грамоты,
Дабы как-то душу отвести.

Грех, желая снять за принесённый вред,
Зря загубленных невинных женщин
Ради прихоти зачинщика ватаги.
Жалобились на свое несчастье.
Им неловко было,
Что прошли сквозь пальцы
Две девицы,
Как сухой песок скользнули из ладоней,
Испарились, словно летом снег,
Где теперь найти их, оправдать убытки?

Потрепал Баджей густой загривок Серко,
С задних лап его снимал застрявшие колючки,
На очёсах шерсть разглаживал.
А собака, открывая пасть, показывала зубы,
Крупные и белые,
Высунув язык наружу.
“Покажите место нам,
Где нашли вы брошенную лошадь”, –
Приказал Ипатий казакам,
Те повиновались.

Возле елей вниз спускался луг,
Уходил в ложбинку.
Густо разрослись кусты,

Продираться через них
Приходилось, применяя силу.
Чтобы ветки не царапали лицо и руки,
Их придерживали осторожно.
А кедровки раскричались
Вслед перелетали
И галдели на весь лес в округе,

Всех зверей предупреждали,
Что идёт охота на двуногих.
Дали Серко ленточку понюхать для чутья,
Что упала с кос случайно,
И Баджей собаке крикнул громко:
“Нох, нох, нох!”
Завертелась лайка и помчалась в чащу,
А за ней якут, индейцы и Ипатий.
Казак остались возле лошадей,
Им не верилось, что найден след

Диких индианок,
Тех, которых уж пропащими считали...
По траве ходила птица странная,
Крупным клювом, загнутым крючком,
Чем-то, кажется, орла напоминала,
Но вблизи красивая была,
Хвост её чернел широким опереньем
И бородкой заостренной в горлышке,
Грудка верхняя зелёно - фиолетовая,
Брюшко чёрно-бурое

С пятнышками светлыми.
Брови красные немного выпуклые,
То глухарь, поклевывая ягоды брусники,
Не таился, что ему бояться ястреба и сокола,
Если надо он взлетает над деревьями,
Оглушительно и с шумом,
Что ломаются сучки на ветках.
Патриарх всей птичьей стаи,
Он проводит время на болотах,
На полянах или гарях,

Тянется к лесам сосновым,
Избегая тёмнохвойных мест.

Этой птицей любовалась Розовая Чайка.
Солнце заблестало ярко,
Сквозь листву роняло свет,
И тревоги, что теснились ночью,
Схлынули на зорьке, как туман.
Не слышать погони срочной.
По овражкам утром ранним
Ручейки журчат.

В роднике умывшись,
Пирогов отведав без начинки,
Две богини Берегини¹¹⁶
Песни птичьи слушали.
Славок, завирушек торопливый говор,
Корольков желтоголовых,
Да коньков лесных,
Что слетались в стайки дружные.
Кроны лиственниц не затеняли почву,
Травы и кустарнички.

¹¹⁶ Берегини – в восточнославянской мифологии богини природы, олицетворявшие лесную и водную стихии.

Ягоду медвежью толокнянку
С косточкой дробинкой
Поневоле спутаешь с брусникой,
Накусив, поймёшь ошибку сразу.
И нарвав букетик зимолюбки
Бело-розовой,
Снова в путь отправились
Нимфы и русалки.
Шли, не удаляясь от реки,
Чтоб не заблудиться

В незнакомой местности.
Удивляясь, как прекрасен мир,
Попадались топи и болотца.
Мягкий мох пропах багульником,
И ещё встречалась голубика,
Да в глаза бросался белый пух пушицы,
Точно ватка он свивался в купы.
Потянулись дни,
В августе уже заканчивалось лето,
Иней по ночам морозил землю.

Девушки приметили однажды,

Что волчица с выводком следит за ними,
Прячется в сторонке по овражкам.
А волчата затевают игры,
Чересчур резвятся весело,
Что вполне естественно.
Может, мать волчица глаз людских боялась,
И поэтому была настороже.
О припасах, позабыв с усталости,
Поплатились за беспечность женскую,

Их мешок с продуктами сумела выкрасть
Серая волчица,
Крадучись неслышно,
Снедь съестную утащила в лес.
Так прибавились заботы лишние,
Добывать еду на пропитанье.
Помогали голод утолить
Ягоды, грибы, орехи.
Индианки не расстраивались,
Продолжали жить в тайге.

Отдыхали у реки,
Восторгались широтой текущих вод,
Берегами в зарослях зелёных.
Выходили иногда на стёжку,
По которой погоняли лошадей,
Мимоезжие торговые людишки.
Им хотелось воротиться
Поскорей к собратьям,
Продолжая путь далёкий,
Утомлённые валились с ног.

Вечерами разжигали огнём костёр.
На ночлег ложились к тёплым углям.
Или залезали под коряжины и в дупла,
Чтобы как-то дождь промозглый переждать.
В скалах находили брошенные норы,
Лисьи и барсучьи,

Старые, размытые водой,
И берлоги земляные, грушевидной формы,
Где могли спокойно спать вдвоём
При любой погоде.

И Елене раз приснился сон,
Что стоит она в степи глухой,

Где растёт ковыль,
Гнётся и волнуется от ветра
Морем серебристым.
По траве высокой
К ней навстречу скачет конь,
Всадник ей руками машет.
Это был её отец:
“Дочка, ты нашла станицу нашу!

Здесь казачья вольница.
В балке твёрдая земляца,

Пусть не пахана, не сеяна,
Но она искони хуторская.
Посмотри, как Дон велик!
Мы с тобой на лодке покатаемся,
Только оттолкнусь багром”.
Затянуло лодку в тину,
Что её никак не стронешь,
Кое-как вдвоем осилили.

Камни острые ей в ноги впились,
Боль усиливается...
Сон прервался жуткий,
Кто-то волоком её тащил
Не во сне, а наяву.
Старый волк в неё вцепился,
Пасть у хищника почти беззубая.
Он не мог ей ран тяжёлых нанести,
И она его, ударив палкой,
Прогнала подальше.

Волк залёг в кустах,
Отражался свет луны в его зрачках.
Он завыл протяжным воем,
Так мог выть голодный волк,
Много дней слонявшийся без пищи.
Он не мог поймать добычу,
И теперь преследовал людей,
Пересилив страх,
Брёл исподтишка за ними,
Чтобы безоружных одолеть.

Женщины назад оглядывались,
Шли, а волк за ними плёлся.
Что им делать, как от зверя отвязаться,
Ждать, когда начнёт кидаться,
Действуя на нервы,
Может быть он бешеный, больной,
И они решили уходить к болотам,
По трясине не пройдёт, увязнет.
Ветер дул и тучи солнце скрыли,
Криволесье чахлым было.

Здесь росли берёзки жидкие,
Лиственницы невысокие и тонкие.
Много было леса сгнившего.
Ствол толкни безжизненный,
Он развалится на части,
Упадёт на кочки,
Потревожит воды ржавые.
А на мху алели ягоды,
Клюква сочная рубиновая,
Крупная, как яблочки.

Девушки, забыв про страхи.
Благо волк отстал от них.
Ягоды выживали пальцами,
С аппетитом поедали.
Не заметив, подошли к опасной жиже.
Кочки были, как подушки мягкие,
Да ковер травы нетронутый заманчивый.
Лишь Елена до травы ногой коснулась,
Как зыбун вдруг провалился вглубь.
Разошлась трава предательская.

Чавкнуло болото и схватило крепко.
Крикнула Елена.
Розовая Чайка к ней ползла.
Не сумела сразу вытащить,
Бросила ей ветки,
Чтобы продержалась хоть немного.
Сучьями трясину вымостив,
Кое-как спасла.
И с клюкой подручной,
Взятою со сломанного деревца,

Проверяя прочность дёрна,
На сухое место выходили.

Лес дремучий встал стеной.
Ветер стих, вокруг немая тишина.
Здесь не слышно рокота реки.
Заблудились, наугад пошли,
И к несчастью в сторону.
Силы их оставили,
От изнеможения упав,
Зарыдали, ожидая горе,
Лихо одноглазое¹¹⁷.

“Нет, не волк нам встретился,
Это дух болот нас гнал из светлой чащи,
Рассердился, хочет нашей смерти” –
Плакали и уходили дальше,
Потеряв последнюю надежду.
Как им быть без пищи и жилья?
Уж зима не за горами.
И они решили задержаться здесь.
Хижину себе сплели из прутьев гибких,
Из камней сложив очаг,

Грелись в пламени огня.
Ставили силки, ловили дичь,
И сводив едва концы с концами,
Стали привыкать к тоске безрадостной.
Видно их судьба в руках
Трех богинь всемогущих Мойры¹¹⁸,
Что узлом связали жизненные нити

¹¹⁷ Лихо – в восточнославянской мифологии существо — олицетворение горя. Его представляли в виде одноглазой молодой женщины.

¹¹⁸ Мойры – в греческой мифологии три дочери Зевса и Фемиды, богини судьбы: Клото прядет нить жизни, Лахесис распределяет судьбы, Атропос в назначенный час обрезает жизненную нить.

Двух несчастных,
И распутать не желают.
Рок и жребий им не изменить.
Надо ждать событий новых.

Под ногами мох кукушкин лён,
Как ковер пушистый, расстился.
Ельник был непроходимым.
Чувствовалась влага и прохлада.
Даже днем царил в нём полумрак
От густой и мрачной хвои.
Наломав с вязанку веточек сухих,
Возвращались в свой шалаш,
Кипятили воду в котелке
Да грибы отваривали.

Солнце красное садилось.
Заблестала от румянца береста
На берёзках у овражка.
Там метнулась, чья та тень.
Неужели волк их снова выследил?
Защемило сердце от печали,
Нет покоя на земле,
Беспокоят призраки.
Лес глухой и заколдованный

Шлёт им приведения.

Вместо волка подбежала к ним
Бело-рыжая собака.
Это Серко, высунув язык,
Посмотрел внимательно им в лица.
Он прилёг у ног,
Дал себя погладить.
Розовая Чайка засмеялась радостная,
Запустила пальцы меж его ушей подвижных,
И щекой прижалась к мордочке.
“Потерялся, как и мы, наверно,

Рад, что встретил нас”.
С ели спрыгнули на землю
Пара белок пепельного цвета,
Поскакали рядом,
И резвиться стали с чоканьем,
Ловко и проворно.

Но людей заметив,
Вновь взмахнули вверх,
Спрятались на ветках.
Лая, Серко бросился за ними.

Не давая им спуститься вниз,
Встал на лапы задние,
А передними уперся в ствол.
На него смотрели белки с любопытством,
Не боясь нисколько,
Зная, видно, что опасность не грозит.
И обиженная лайка
Подняла свой хвост как можно выше,
Заворчала, отступила,
Будто догадалась,

Что не будет здесь охоты славной.
Ружья на плечах не вскинуты,
Порохом не пахнет,
Выстрел не звучит.
Посмотрев на женщин с жалостью,
Серко убежал от них.
До утра проспал в разлогой яме.
Притащил им загнанного зайца,
Положил его пред хижинкой,
Лёг с насмешливой ухмылкой,

Точно им хотел сказать:
Я охотник до русачьей травли,
Пользуйтесь, пока я добр.
И ему, конечно, почести отдали лаской,
Да зайчатины не пожалели.
“Ты, кормилец наш прилежный,
Мы тебе всем сердцем рады!
Только нас не покидай совсем”.
Серко слушал и хвостом вилял,
Встал, отряхивая шерсть.

Женщины за ним следили,
Как он головой вертел,
Всматривался в лес,
Чем-то был встревожен не на шутку,
Побежал, вернулся,
Стал хватать зубами за подол,
За собой тянуть старался.
“Что, дружок, волнуешься, куда ты тащишь?
Хочешь, чтобы мы пошли с тобой,
Поиграть на травку, на лужок.

Мы идем, согласны!”
Розовая Чайка и Елена встали
Шли туда, куда собака рвалась.
Серко радостно залаял,
Весело помчался впереди.
Девушки за ним спешили.
“Нет, не потерялся наш спаситель,
Приведёт к заветной цели.
Только, кто его хозяин?
Может быть, лесничий?”

А в лесу перекликались люди,
К ним навстречу шли,
Звали и кричали.
И они, прислушавшись,
Голоса узнали,
Их друзей: Арама и Ипатия,
И Росы Холодной.
Отозвались криками восторженными,
Побежали, под собой земли не видя,
Потому что с глаз полились слёзы...

“Открывай, ворота побыстрее!
Жизнь висит на волоске!”
Нарочный галопом проскакал к избе,
Из ружья пальнул, наделал много шуму.
Вышел Киприан угрюмый:

“Отчего трясутся губы в лихорадке?
Будто гусь роняешь с перьев воду,
Что случилось в эту пору,
Почему так бьется грудь
Воробьиным сердцем?”

“Атаман, пришёл приказ с Иркутска,
Велено тебя доставить в кандалах,
До суда арестовать,
Под конвоем проводить в тюремный карцер,
И держать под караулом”.
“Хорошо, браток, езжай обратно.
Я придумаю, как поступить.
Можешь взять другую лошадь”.
Киприан невозмутимо проводил
Доброго посланника.

Вновь решил поговорить с гостями.
Но Гривистый Волк с индейцами
Сами понимали, что известие
Очень важное,
Раз сумятица повсюду поднялась.
Только впрямь не ожидали,
Что решается их участь горькая.
“Вот что, лыковые пайщики!
Отпускаю вас на все четыре стороны,
Вы свободны.

Может быть, ещё и свидимся,
На ремённой столбовой дорожке.
Недосуг мне разъяснять, дела другие
Занимают меня больше.
Вот вам Бог, а вот порог.
Не гоню вас в шею до ворот.
Вы скачите побыстрее к своей царице,
Казачки её держать не станут,
Отпишу наказ для них
В деловой бумаге.

Дабы не было обиды,
Что терзал её напрасно,
В ноги кланяюсь и извиняюсь
Пред особой царской,
Посылаю разные гостинцы,
Чтоб сменила гнев на милость,
И простила грешного раба,
В провожатые даю вам казака.
Кони ржут с утра к добру и счастью,
Резво пронесутся по лесам”...

На поляне дым костра струился кверху,
У реки устроили постой с ночлегом.
Люди были разной веры:
Православные, язычники сидели рядом.
Но хватило место всем,
Не стеснясь, похлебать ущицу с котелка.
Казаки не прочь уехать на заре,
Благо, что по доброй воле, наконец,
Разошлись прошитые тропинки.
Слушали рассказ охотника Баджея:

“Передал мне дед, а он услышал это
От своих умерших мудрых старцев.
В древние года была земля.
Солнце там сияло без заката,
Месяц плыл, как чаша в облаках.
И кукушки пели песни
Без конца, не переставая.
Не желтела на лугах трава,
И деревья вниз не падали.
Жили там якуты, бед не зная.

Разводили лошадей, верблюдов.
Плодородные поля давали урожай,
С крупным и высоким колосом.
Вдруг пришли чужие племена,

Истребляя силой злой,
Выгнали народ наш с юга.
И спасая жизнь своих детей,
Стариков и женщин,
Витязи пошли на север,
Где леса казались дикими и хмурыми.

Лишь со временем прижились здесь,
Хоть неласковый таёжный край
Принял их и спас от смерти.
А кочевники: эвенки, юкагиры
Помогли им, научили
Шить одежду, рыбу и зверей ловить,
И они остались на века,
Стала родиной для них Сибирь.
Помнят только по легенде,
Что не раз на крыльях счастья

С неба прилетала птица Сар,
Дорогая и заветная.
Если вырвать у неё перо,
То оно из рук сорвётся,
И закружится от ветра.
Путь укажет к праведной стране,
К праотечеству.
Погубил её Тыгын¹¹⁹, якутский царь.
Ростом был он, будто тень от дерева
В ночь сверкающую.

Многих он сразил богатырей,
Сжил со света белого.
Девушка Джардах
Птиц силками из волос ловила
И нашла птенца.

¹¹⁹ Тыгын(?-1632), якутский тойон, объединивший под своей властью ряд племен. В якутском фольклоре изображен как «якутский царь», глава всех якутов.

Он ей птицу Сар напоминал,
Выкормив его в лесу лесными ягодами,
Отпустила в небо.
Может быть, её найдет охотник,
Будет счастлив он до старости,

Что вернёт якутам землю предков”.
То сказание Елену поразило,
Сколько тайн скрывает этот мир!
Горечь, рану, как рубец на сердце,
Носит каждый, кто обижен прошлым.
Грустью отозвалась в ней,
Весть из призрачной истории.
И она сказала голосом печальным:
“Это мне напоминает рок слепой
Предопределенный божеством

В час жестоких испытаний.
Нет, не даром привела сюда судьба
Разные народы, чтобы жить им вместе.
Юная богиня Гея¹²⁰
Создала для всех моря и горы.
Демоны мешали людям жить,
Разжигали в ненависти войны.
Деды – души коренных славян –
Просят приносить им жертвенную пищу.
Только кто её подаст?

Коли странствуют потомки,
Забывая ветхие могилы.
Добрая Сибирь, как мать родная,
Всем готова услужить,
Дать пристанище”.
Казаки Елену слушали с хитринкой
Да в ответ кивали головой:
“Вот тебе бы, матушка,

Стать царицей северной,
Чтоб Екатерина пала на колени,

Попросив прощенье”.
Розовая Чайка гладила собаку Серко.
Добродушный пёс на ласку отзывался,
Он облизывал ей пальцы языком,
И слегка покусывал зубами,
Сам в ладонь протягивал ей лапу
В знак взаимной дружбы.
Девушка не слушала, о чём шёл разговор,
Ей не интересно было,
Рядом был лохматый друг,

Как и все индейцы, молчаливый,
Выручит охотника в беде,
Принесёт к ногам добычу.
Краснокожие на слух усваивали речь,
Хоть немного понимали слов,
Привыкали жить среди людей,
Познавали иноземные обычаи.
Догорал костёр в ночи,
Звёзды крупные сверкали в поднебесье,
И усталых путников клонило в сон.

Утром выпала роса.
Плыл туман сплошной стеной,
Обволакивал деревья.
Лес, как призрачный, исчез.
В двух шагах не разглядишь
Пни и сломленные ветки.
Марево кружилось, оседало влагой,
Для дыханья не хватало воздуха.
Солнца луч, коснувшись чаши,
Вмиг развеял холодок,

Пелену белесую отбросил к речке.
Собирая под берёзами и елями грибы,

¹²⁰ Гея – в греческой мифологии мать-земля.

Розовая Чайка и Елена
Гибким хлыстиком переворачивали листья,
Чтоб найти под ними молодые
Рыжики, белянки, сыроежки
И зелёные моховики.
Падала листва оранжевая, золотая,
И румянцем ярким украшала травы.
Даль прозрачная сквозила по лесам.

Казачи седлали лошадей,
Наложив и затянув подпруги.
Не решались оправляться в путь.
“Слышь, Ипатий, ты не осерчай,
Лучше с нами бы поехал,
С Киприаном мирно погуторил,
Чтобы не было вражды дальнейшей.
Кто прознает, что ему взбредёт,
Снова кинется в погоню,
Как шлея¹²¹, что попадет под хвост,

Раздраженным и сердитым бестией”.
“Пусть избавит бог от этой встречи,
Я не рад и оттрепать готов его за бороду,
Чтоб забыл про блажь и прихоть”.

Так не сговорившись,
Казачи уселись на коней,
И запели громко песню:
“Ты моя дуброва,
Ой, дубровушка,
Ты дуброва,

Да, зелёная.
Почему шумишь от ветра,
Приклонила книзу веточки?”.
Тронули поводья.

¹²¹ Шлея – часть сбруи, ремень, прикрепленный двумя концами к хомуту и проходящий по бокам и спине лошади.

Эхо разносило их слова:
“Мелки пташки
Мимо пролетали,
Лишь одна из пташечек
Оставалась там,
Горемычная кукушечка.

Жалобу творит кукушка
Зря на сокола.
Разорил её он гнёздышко,
Разогнал всех малых детушек,
Да по ельничку,
По березничку,
По орешнику”.
Стихла песня, но через три часа
Вновь послышалось вдруг пение,
Неужели возвращаются назад,

Ничего не понимая,
Вслушивались в удалой мотив:
“В теремочке красна девица,
Под окошечком сидит,
Плачет, а слеза течёт рекой.
Жалобу творит девица
На заезжего красавца молодца,
Заманил медовым пряничком.
На чужой сторонке бросил,
У неё нет матушки и батюшки”.

Из-за леса показались всадники.
Казачи спускались к ним.
Только их побольше было.
Лишь когда они приблизились,
Рассмотрели лица.
Оказались земляки:
Волк Гривистый и индейцы.

На плечах у них чекмень¹²² широкий
С перехватом и со сборками,
С меховой опушкой и с воротником.

На ногах сапожки красного сафьяна¹²³.
Сзади ружья, – ратный боевой отряд.
Улыбаясь, они к ним подъехали,
Соскочили с лошадей,
Развязали торока¹²⁴ у лука сёдел,
Доставая с сум подарки.
Радостной наградой оказалась встреча,
Не опишешь словом их восторг.
Вновь собрались вместе,
Чтоб пройти по тропам долгий переход.

¹²² Чекмень – суконная верхняя мужская одежда халатообразного покроя, реже в виде кафтана или полукафтана.

¹²³ Сафьян – тонкая и мягкая козья или овечья кожа, специально выделанная и окрашенная в яркий цвет.

¹²⁴ Торока – ремни.